

по следам  громких дел

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,  
написанные по всем законам жанра:**



В моей руке - гибель  
Звезда на одну роль  
Венчание со страхом  
Прощание с кошмаром  
Темный инстинкт  
Все оттенки черного  
Зеркало для невидимки  
Врата ночи  
На randevу с тенью  
Улыбка химеры  
Готическая коллекция  
Ключ от миража  
29 отравленных принцев  
Флердоранж – аромат траура  
Молчание сфинкса  
Родео для прекрасных дам  
Дамоклов меч над звездным тронem  
Рейтинг темного божества  
Прощай, Византия!  
Сон над бездной  
Царство Флоры  
Предсказание – End  
Драконы ночи  
Black & Red  
Пир на закате солнца  
Три богини судьбы  
ДНК неземной любви  
Душа-потемки  
Тот, кто придет за тобой  
Демоны без ангелов  
Валькирия в черном  
Когда боги закрывают глаза  
Девять воплощений кошки  
Яд-шоколад  
Невеста вечности  
Колесница времени  
Падший ангел за левым плечом  
Пейзаж с чудовищем  
Грехи и мифы Патриарших прудов  
Созвездие Хаоса

ТОТ, КТО ПРИДЕТ ЗА ТОБОЙ



# ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА



Москва  
2018

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
С79

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

**Степанова, Татьяна Юрьевна.**  
С79 Тот, кто придет за тобой : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-097413-9

Их было четверо... Трое из них уже мертвы. Осталась она, Полина Каротеева. Она еще жива. Но кто-то жаждет и ее смерти. Катя Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области пыталась разговорить Полину, чтобы наконец-то узнать правду о том старом преступлении, когда в заброшенном колодце страшной смертью от ран умирал связанный Женя Лазарев... Что же все-таки произошло несколько лет назад, кто же из них четверых настоящий убийца? И почему спустя столько времени кто-то стал убивать одного за другим всех участников того жуткого дела? Наконец Полина разговорилась, рассказала о случившемся в ту злополучную ночь. Рассказала... и через десять минут умерла от руки убийцы. Но на этом он не успокоился. Это еще не конец...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097413-9

© Степанова Т.Ю., 2018  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2018

В своих романах я перебил столько людей, что им не хватило бы места на нашем самолете. А вот в жизни впервые столкнулся с насилием. Извините, если... я вел себя не так, как положено.

*Стивен Кинг. Лангольеры*

## Глава 1

### ШОРОХИ В ТЕМНОТЕ

Кто-то сказал, что там нет дна.

Сколько ни бросай камни...

Но это оказалось не так. Первый же брошенный туда, вниз, камень отозвался глухим всплеском.

— Осторожно, ты ее заденешь!

Да, да, конечно, она же там, внизу...

Слабый ветерок принес аромат шалфея и мяты. И еще пахло чем-то очень сильно — густой, животный запах.

Ферма — совсем рядом располагалась ферма и колодец...

Этот колодец... из него, наверное, поили скот.

На утоптанной площадке в землю был вырыт низкий бетонный желоб — считалось, что по нему, когда включают насос, вода потечет, журча, наполняя поилку почти до краев.

Насос никогда не использовали. И коровы никогда даже близко не подходили к этому месту. Так чьи же следы отпечатались на влажной земле?

Солнце село, и по небу плыл, как лодка, бледный двурогий месяц, иногда цеплявшийся за рваные края облаков. Выглядел он плохо — словно больной, изъеденный проказой...

Царила тишина. Ни щебета птиц, ни гула машин на шоссе, пронзавшем лес, как стрела. Что-то неестественное во всем этом вязком тягучем безмолвии, как во сне...

Только они не спали. Их было четверо, и машина их, ярко светя фарами, стояла на краю лужайки.

Один из них держал в руках длинную веревку. Другой, опершись на бетонный край, заглянул вниз, в колодец.

Третий молча курил, смотря, как месяц на последнем своем издыхании борется с волной туч, как пловец... как больной, сбежавший из лепрозория...

Лучше утонуть, чем сгнить заживо...

А если не сразу утонешь?

Там, внизу, воды немного.

Но что же там тогда еще, ведь говорят, там нет дна...

Четвертый, с минуту наблюдая, как его товарищ медленно, словно нехотя, разматывает веревку, вырвал ее у него из рук.

— Что ты копаешься, болван? Она же там, внизу!

В это мгновение из колодца раздался звук... всплеск...

— Я же сказал, не смей бросать туда камни!

— Я ничего не бросал, — тот, кто смотрел вниз, испуганно отпрянул.

— Видел ее?

— Там темно.

— Я сейчас привяжу веревку к машине. Один сядет за руль, двое будут страховать, один спустится туда.

Он быстро пошел к машине, подогнал ее близко к колодцу, привязал веревку и...

— А кто спустится? — спросил тот, кто курил.

— Ты.

– Может, сам?

– Она там, внизу.

Утонуть лучше, чем заживо сгнить в протухшей воде. Барахтаясь и крича, сначала умоляя о помощи во всю силу глотки и легких, а потом просто плача, скуля и воя, затем лишь шепча пересохшими рас-трескавшимися губами... Столько воды, а не утолить жажды... И не утонуть, и не задохнуться...

Шепот...

Шорох...

Шорохи там, в темноте...

Там, внизу, как в аду – все призрачно и нет никакой веры происходящему, пока не увидишь своими глазами...

Тот, кто стоял у колодца, достал карманный фонарь и зажег. Пятно света выхватило стебли пожухлой травы и смятую пачку от сигарет. И край бетонного желоба, укрепленного на ржавом каркасе ржавыми болтами.

И тут где-то далеко за лесом завывла сирена «Скорой помощи», и сразу за этим звуком другие звуки хлынули потоком: рев грузовиков, мчащихся по шоссе, свисток отходящей от платформы пригородной электрички, семь нот, спотыкающаяся гамма, сыгранная чьей-то нетвердой рукой на черном пианино, привезенном вместе со старым барахлом на дачу...

Там, за лесом, где дома и участки...

Где столбы фонарей и антенны на крышах...

Лай собак...

И смех...

И отблески синих телевизионных экранов на темных стеклах террас.

Как в аду – все призрачно...

И нет никакой веры происходящему, пока не

увидишь собственными глазами или пока кто-то не скажет...

— Ладно, я обяжусь веревкой. — Тот, кто курил, так и сделал, тщательно проверил узел и взялся руками за бетонный обод колодца.

Темный круг.

— Эй, ты там? Отзовись!

Они прислушались. Всем почудилось одно и то же — всплески, всхлипы там, далеко внизу.

— Я спускаюсь! Ничего не бойся, сейчас мы тебя вытащим!

— Держи и пока не включай, батарейка садится. — Фонарик переключал в руки того, кто хотел спуститься.

Он перекинул ноги через край колодца.

— Осторожнее!

Его голова маячила над колодцем на фоне сумерек всего секунду, а потом он сорвался вниз.

— Осторожнее!! Легче!

— Ничего, веревка выдержит.

Они что-то еще говорили, травя веревку и опуская его все ниже, ниже. Но их голоса... сырой туман, в который он погрузился почти сразу же... испарения колодца — они все заглушили, превращая слова в бессвязный лепет, в нечленораздельную кашу. Он взглянул вверх — над ним парил круг, в центре которого плыл уже опрокинутый месяц — рогами вниз, словно тоже тонул, спускался или отражался там, на небесах, от какой-то другой поверхности...

И все это удалялось, удалялось.

Он опускался и наконец-то решился коснуться стен, пока еще не зажигая фонаря.

Скользкое и влажное под рукой.

И шорохи... шорохи в темноте...

— Эй, ты там? Я иду, я спускаюсь к тебе!

Раскачиваясь на веревке, он подождал ответа — никто не откликнулся со дна. И тем не менее показалось, что там, внизу, в темноте, что-то шевельнулось. Всплеск... и снова — шорохи...

Интересно, отчего этот колодец не закрыли? Не забили совсем? Если никто сюда уже давно не приходит, и скот не поят из бетонных корыт, и дорога сюда заросла травой, потерялась... Если все так боятся этого места, отчего колодец не закрыли, не замуровали? Крышка на земле валяется, и кругом истоптанная земля...

— Ответь же мне! Ты там?

Он снова коснулся рукой стены и потом быстро зажег фонарик. Растрескавшаяся кирпичная кладка, никаких следов...

Значит, она не пыталась выбраться. Не боролась, не цеплялась за стены, обдирая ладони о кирпичи.

Может, ее там и вовсе нет? Они ошиблись, и то был лишь сон? Ночной кошмар?

Он направил лучик фонарика вниз. И там что-то метнулось — на самом дне, скрываясь во тьме.

Всплеск, еще один всплеск...

Словно кто-то нырнул, ушел под воду с головой, поскользнувшись на мокрых камнях.

Веревку наверху быстро травмили. Он скользил вниз, пятно фонарика металось по стенкам колодца. И внезапно он понял, что...

Что веревки все равно не хватит.

Он не достигнет дна.

И в этом его спасение.

Внизу что-то булькнуло, плеснуло, а потом послышались другие звуки — шорохи... и что-то чвакало там и урчало... словно это работали чьи-то челюсти.

Цепляясь за веревку, он направил фонарь вниз.

И увидел все своими глазами.

Тело утопленницы плавало в черной воде как...  
А рядом...

Отчего-то он сразу понял, что это целый выводок...

Что они еще малы и малосильны...

Алчные и хилые, на тонких паучьих ногах...

Если бы только не их глаза, уставившиеся на него...

Они пожирали ее тело в темноте, и он светом фонаря помешал им, и теперь они тарасились на него...

Вцепившись в веревку, он не мог издать ни звука, не мог закричать:

— Эй, тащите меня наверх!

Ее лицо... еще не тронутое тленом... она смотрела на него со дна колодца, и ее волосы покачивались на воде, как водоросли, обрамляя бледные щеки.

Он ухватился за веревку, как за свое последнее спасение, и начал подниматься сам, подтягиваясь на руках сантиметр за сантиметром.

Фонарь он теперь держал в зубах и впивался в него все крепче и крепче.

Они там, внизу, заняты ею... ее трупом... им сейчас не до него...

Они не погонятся следом, потому что...

Где-то там, наверху, — двурогий месяц. И ветерок, пронизанный запахом шалфея и мяты. И там их машина и две бутылки водки в багажнике рядом с запаской.

И он ведь не хотел ничего плохого. Они все не хотели ничего плохого, наоборот, они приехали сюда, к колодцу, чтобы спасти ее.

Чтобы спасти...

Мало ли что случилось раньше...

Теперь уже не исправить.

Но они приехали к колодцу, чтобы спасти...

А не наоборот.

Тысячу раз нет...

Тысячу сантиметров до поверхности, до края...

Шорох раздался над самой головой.

Не со дна, сверху.

Желтое пятно зажатого в руках фонарика выхватило из мрака сначала лишь силуэт караулившего его существа.

Оно было много больше размером тех малорослых и хищных. Упираясь в стенки колодца руками и ногами... лапами... цепкими, как у богомола, оно отрезало ему путь наверх.

А потом он увидел его глаза. Они сузились и моргнули. Пасть ощерилась в довольной ухмылке.

Оно дотронулось до туго натянутой веревки и с легкостью потянуло ее вверх, на себя, приближая его, сжавшегося в комок на том конце, и одновременно обвивая его веревочными кольцами — руки, шею...

А затем оно сделало молниеносный выпад и оторвало ему голову, на миг захлебнувшись кровью, ударившей из поврежденных артерий. Потом что есть силы швырнуло этот темный окровавленный шар вверх. А когда там, наверху, раздался вопль ужаса... когда они поняли, что произошло с их товарищем... лишь тогда оно медленно начало подниматься, выползая из колодца, цепляясь за кирпичи.

Ибо впереди у него была долгая охота.

А обезглавленное тело на упущенной веревке рухнуло вниз. Его приняли с благодарностью, как манну небесную...

По темнеющему небу, перечеркнув двурогий месяц, пролетел авиалайнер.

И его слабый гул растворился в ночном воздухе, как кровь растворяется в воде.

## Глава 2 ДЕКОРАЦИИ

В сгущающихся сумерках месяц бледнел и таял — тонкий острый серп, чей свет затеняли собой мощные фонари федеральной автострады.

В этот жаркий августовский вечер машин на дороге значительно прибавилось — дачники возвращались в Москву, туристы и отдыхающие, всем, кому надоело штурмовать пригородные электрички, набивались битком в рейсовые автобусы и маршрутки.

По шоссе с ревом и гулом неслись бензовозы и бетономешалки, длинные, как поезда, тяжело груженые фуры: свежие овощи, молоко, стройматериалы, электроника, мясо, фрукты — все это должно поспеть вовремя и уже рано утром лежать на складах и на прилавках.

По обеим сторонам дороги тянулся лес, за лесом, как чаша, окруженная соснами и песчаными обрывистыми берегами, лежало озеро. Оно всегда привлекало рыбаков и купальщиков, а уж в этот знойный август особенно.

На автобусной остановке, известной как «33-й километр», толпились с рюкзаками подростки и пенсионеры-рыбаки. Эти ехали домой, кто с нехитрым уловом, кто с обгорелыми от солнца плечами. Но немало веселых компаний осталось на берегах лесного озера и на ночевку. Там зажигали костры и жарили шашлыки, настраивали гитары — побренчать, извлекая из модных сумок-холодильников бутылки с пивом и водкой.

Вокруг озера с давних времен люди строили дачи, земля тут считалась не очень хорошей — глинистая, местами заболоченная почва. Из плодовых деревьев

отчего-то совсем не росли вишни и яблони, то тут, то там на участках погибали каждую зиму, если температура опускалась ниже двадцати градусов.

Но с некоторых пор земля вокруг озера стала дорожать и превращаться в солидный капитал. А все из-за близости к столице, из-за развитой инфраструктуры, из-за давным-давно проведенного в поселке газа, близко расположенной железнодорожной станции и самих окрестностей — где с одной стороны рядом районный центр, а с другой — самые живописные в Подмосковье уголья: леса, поля, луга и, конечно же, озеро.

Однако город наступал по всем направлениям. За лесом уже высились новые кирпичные многоэтажки, где жилье охотно и быстро раскупали москвичи. В городе как грибы после дождя росли торговые центры. Вездесущий «Макдоналдс» открыл тут уже три свои закусочные, в том числе и на шоссе — для водителей.

Вдоль дороги выстроились салоны по продаже машин, стройматериалов и гигантские мебельные магазины, ярмарки и рынки, куда от конечных станций метро по выходным съезжались все те, кто замыслил ремонт или строительство дома.

Едва начинало темнеть, везде включалась реклама. Владельцы торговых центров словно соревновались, кто установит у себя на крыше самый большой рекламный щит или электронный экран.

В центре города, где все извилистые улочки раньше вели лишь на центральную площадь к исполкому, возникло огромное количество салонов красоты, аптек, кафе, кофеен. Имелся японский ресторан и итальянская пиццерия.

Первый этаж единственного сохранившегося в

городе каменного купеческого особняка занимало похоронное бюро.

Дальше на несколько остановок тянулись новостройки, а на границе их и леса — с другой стороны озера — раскинулся коттеджный поселок: там много домов еще не заселили, потому что рядом шли железнодорожные пути и под самыми окнами по ночам грохотали товарные поезда.

Но едва лишь вы сворачивали на проселок и огибали озеро с запада, весь этот строительный бум, вся цивилизация куда-то исчезала. Проселок уходил в поля, заросшие травой, юркие тропы вились среди зарослей к заброшенной ферме, а потом снова вводили в поля и луга. А там опять начинался лес, куда дачники и горожане по выходным снаряжались за грибами и ягодами.

Местность, вся сотканная из контрастов, поражала широтой и обилием впечатлений. Так что порой при взгляде с невысокого холма казалось, что и вся земля на тысячи километров такая: новостройки, автозаправки, рекламные щиты, закусочные и японские рестораны — это лишь небольшие островки в море зелени, в бескрайнем и девственном море до самого горизонта.

Может, кто-то уже и присматривал эти широты под застройку, но у него еще не доходили руки и не хватало средств — слишком много земли, слишком большие расстояния.

И только дороги — шоссе, автострада, они как шрамы рассекали пейзаж, одновременно уродуя его и соединяя, сближая и расчленяя.

В этом тоже заключался контраст, какая-то двойственность, а может, пограничная линия между реальностью и тем, что за ней, между сумерками и светом, между днем сегодняшним и днем прошлым.

И эту двойственность, постепенно обживая землю, чувствовали все, кто селился на ней — независимо от того, покупал ли он квартиру в новостройке или коттедж, старый дачный дом, заросший сиренью и бузиной, или же первый этаж купеческого особняка, прилаживая над входом новую рекламную вывеску.

*Добро пожаловать сюда...*

*Если вы любите тишину летних сумерек...*

*Если двурогий месяц, плывущий по небу, все еще представляется вам ладьей...*

*Если вы не боитесь...*

*Если вы ничего не боитесь...*

*Или вам нечего вспомнить...*

*Добро пожаловать сюда...*

*Авиалайнер летит в небе...*

*И никто из пассажиров, в том числе и вы, не знает, что случится через минуту...*

*На следующей странице...*

## **Глава 3**

### **НЕУДАВШАЯСЯ АКТРИСА**

По темнеющему небу, перечеркнув двурогий месяц, пролетел авиалайнер. И его гул растворился в ночном воздухе, как...

Катя Петровская — криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области — не сразу поняла, что на этом все и закончилось.

За окном дачной террасы действительно пролетел самолет... авиалайнер... ну да, там же где-то аэродром за железной дорогой. И гул растворился в ночном... нет, пока еще в вечернем воздухе, «как кровь растворяется в воде».